

Моск. правдга. - 2003 - 26 Дек. - с. 14

Сумасшедшая страсть в серых прямоугольниках

Деклан Доннеллан всегда любил танец - еще с тех пор, как в 9 лет получил приз за пляски на ярмарке в родной Ирландии. Правда, он подозревает, что его отец подкупил судей. Эту шуточную историю Доннеллан рассказывает, отвечая на вопрос, что же привело в балет известного драматического режиссера, знатока Шекспира, основателя известного лондонского театра «Чик бай Джаул».

Приобщение к танцу случилось в Москве, где недавно состоялась премьера «Ромео и Джульетты». Доннеллан поставил этот спектакль в союзе с хореографом Радой Поклитару, уроженцем Кишинева, свободным балетным художником на просторах СНГ и лауреатом первых премий семи международных конкурсов хореографов. Сперва Большой театр попросил Доннеллана поставить оперу, но тот неожиданно ответил: а нельзя ли ему попробовать сделать балет, при условии, что театр предоставит хореографа? ГАБТ бросился искать Доннеллану соавтора. По результатам неофициального опроса балетных специалистов и критиков на первое место в списке кандидатов вышел Поклитару. Творцы встретились в репетиционном зале и попытались («сработаемся ли?») поставить один эпизод - свидание у балкона. Доннеллан генерировал режиссерскую идею - ключевую в будущем спектакле мизансцену фатального разделения двух людей, которым не суждено быть вместе. Поклитару идею «отанцовывал». Проба пера двух темпераментных людей, ирландца и молдаванина, обоим показалась удачной. Так на Новой сцене ГАБТа появилась современная балетная версия партитуры Сергея Прокофьева, которая сильно удивит нашу консервативную публику.

Зрители Большого театра привыкли сопереживать истории веронских влюбленных в популярном «драмбалете» Леонида Лавровского, где все, от иллюстративной бытовой пантомимы до помпезных, а-ля «фреска из Ренессанса», декораций, пульсировало временем и местом создания - СССР, сороковые годы двадцатого века. Ничего подоб-

ного в новом спектакле нет. Отменены даже пуанты балерин - они танцуют в мягких балетных туфлях-джазовках. Предельно условно место действия: не конкретная страна или город в ту или иную эпоху, а вселенское пространство между белых, черных и красных прямоугольников. С первого взгляда узнаваемы костюмы: это наши с вами брюки, платья и пиджаки. Действие доведено до упругости сжатой пружины - балет идет всего полтора часа. Правда, соавторам для этого потребовалось сильно сократить партитуру. Решение спорное, но, как сказал дирижер балета Гинтарас Ринкявичюс, степень оправданности такого вмешательства зависит от степени таланта людей, сочиняющих балет. И от конечного результата, который или все утвердит, или заставит сильно пожалеть о потере большой музыкальной формы. Теперь после премьеры можно констатировать, что в данном случае цель оправдала средства...

Без вступления и увертюры открывается занавес. Шестнадцать кордебалетных пар по-военному четко выстроены в каре. Масса мгновенно разбивается на

две группы, сжав кулаки и разевая рты в безмолвном крике. Волей Доннеллана и Поклитару кордебалет превратится чуть ли не в главное действующее лицо. Он станет в спектакле всем: отсутствующей в балете бутафорией и реквизитом (вплоть до символического изображения могильных стел в финале спектакля), двумя враждующими кланами, образцом грубо мужского и вечно женственного, символическим знаком жизни и смерти. Кордебалет будет вскрикивать и смеяться, лихорадочно метаться и стоять неподвижно, выплескивать из своих недр персонажей и засасывать их обратно, то обращаясь в глухую стену, о которую напрасно бьются люди, а то рассыпаясь в клочья, как человеческие судьбы у Шекспира...

История веронских влюбленных на этом многозначном фоне превратится в притчу о сумасшедшей нереальной страсти, изгоняемой из мира людей именно за максимализм, за немислимую интенсивность чувства. Исполнители главных партий Денис Савин (Ромео) и Мария Александрова (Джульетта) танцуют очень эмоционально,

но и с отчетливым пониманием задачи, предложенной постановщиками. Их трактовка ролей (сперва инфантильный и влюбчивый, покладисто ведомый по своей сути, внезапно повзрослевший и даже внутренне «состарившийся» от невзгод Ромео; «чумовая», предельно решительная и запредельно самостоятельная, ведущая других за собой Джульетта) отточена до степени совершенства. Особенно учитывая, что классическим по школе и навыкам танцовщикам приходится исполнять совершенно непривычные «раскрепощенные» движения, а в хореографии никто не сможет обнаружить классические па. Ведь Радю Поклитару сочинил необыкновенно насыщенный хореографический текст, в котором пантомима танцует, а свободный танец «мимирует» (так что впрору говорить о новом для ГАБТа эстетическом качестве). Объединенная в неразрывное целое пластика символически ставит запятые и точки в летописи сложных страстей: сила, с которой Джульетта грубо отталкивает Ромео после их первой и последней брачной ночи, равна сумме ее любви к юному мужу и ненависти к тому, кто покидает ее...

Исполнители других ролей тоже не испугались непривычного пластического языка. Доннеллан каждому шекспировскому герою дал эмоциональную сложность: здесь у всех внутренняя драма или трагедия - друзья и враги Ромео и Джульетты переживают собственные непростые страсти. Через такую, особую трактовку персонажей танцовщики раскрыли в себе новые пластические возможности: это Денис Медведев (Тибальд), Юрий Клевцов (Меркуцио), ветераны сцены Андрей Меланьин (патер Лоренцо) и Валерий Лагунов (Капулетти). Кстати, кордебалет тоже можно поздравить с исполнительским прорывом: вместо вялого, рутинного танца, который можно наблюдать в Большом на некоторых традиционных спектаклях, в этом экспериментальном балете и в этой непривычной лексике труппа показала себя с наилучшей стороны.

Мария КАРЕЛОВА.

На снимке: сцена из спектакля; в центре Джульетта - М. Александрова.

Фото Игоря ЗАХАРКИНА.